

## О ВЕСЕЛОВСКОМ Д. Н. — в ПОМПОЛИТ

*ВЕСЕЛОВСКАЯ Екатерина Сергеевна, родилась в 1880-х. Получила высшее образование, литературовед. Вышла замуж за Николая Константиновича Веселовского, в семье — сын Дмитрий. Проживала в Санкт-Петербурге-Петрограде, занималась домашним хозяйством и воспитанием сына, после 1918 — давала уроки на заводах, с 1920 — вдова (муж покончил с собой). Позднее занималась научной работой как литературовед в Ленинграде. Осенью 1936 — арестована, приговорена к 5 годам ИТЛ<sup>1</sup> и 28 января 1937 — отправлена в Сиблаг (Новосибирск), работала в редакции газеты "Сибирская Перековка".*

*ВЕСЕЛОВСКИЙ Дмитрий Николаевич, родился в 1915 в Петрограде (отец, Веселовский Николай Константинович; мать, Веселовская Екатерина Сергеевна). Окончил среднюю школу, студент 2-го курса Кораблестроительного института в Ленинграде. 19 апреля 1936 — арестован, 11 июля 1936 — приговорен к 7 годам ИТЛ<sup>2</sup> и 29 января 1937 — отправлен в Дальлаг (Владивосток).*

*В мае 1937 — Екатерина Сергеевна Веселовская обратилась за помощью в Помполит.*

<6 мая 1937>

Я обращаюсь к Вам с громадной просьбой и я верю, что вы мне поможете. У меня — единственный близкий мне человек, сын 21 года, Дмитрий Николаевич Веселовский, внук покойного неперменного секретаря Академии Наук, академика Константина Степановича Веселовского. И вот уже второй год как мой сын, осужденный погран<ичным> Трибуналом НКВД в Ленинграде 11/VII-36 г<ода> на 7 лет по ст<атьям> 58-10 и 121, отбывает свой срок. Но весь ужас в том, что я не знаю, где он находится. Через несколько месяцев после него арестовали меня, и я тоже отбываю срок. Родных у нас была только моя мать, которая умерла от удара, узнав об этом, и никто не может мне написать из Ленинграда, куда отправлен мой сын. Правда, была такая весть, что он отправлен во Владивосток 29/I-1937 года, но я, обратившись туда, узнала, что его там нет, по крайней мере, до половины апреля не было.

Мой сын для меня вся жизнь. Мысль потерять его меня совершенно съедает. Я перенесла тяжелую нервно-мозговую болезнь в связи с этим, 2 месяца была между жизнью и смертью и не могу оправиться. Вы, конечно, понимаете, что я переживаю. Мне остается только умереть, но я продолжаю еще бороться за свое счастье, пишу и умоляю — разыщите его!

Он — способнейший юноша, студент Кораблестроительного института. Но в детстве на его глазах его отец, в момент острого психоза, выбросился из окна 5 этажа, и с тех пор у мальчика началось нервное заболевание, которое мешало ему нормально учиться в школе, и он лечился в нервно-психиатрической больнице. Но благодаря блестящим способностям, унаследованным от деда-академика, легко сдавал экзамены и дошел до 2-го курса Ин<ститу>та. В его судьбе принимал участие друг его деда — А. П. Карпинский. Когда меня арестовали, мой сын остался в полной неизвестности обо мне и писал отчаянные письма знакомым. Но они его не навещали. Он ничего не знает обо мне, как и я о нем. Я боюсь за него, зная его неуравновешенность и горячность. Я Вас умоляю, помочь скорее мне найти его.

Сама я — научный работник-литературовед. Но теперь я в таком отчаянии, что все перестало существовать. Я буду надеяться, что Вы

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1616. С. 131-133, 135-142, 145.

<sup>2</sup> Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

отзоветесь. Я совершенно больна, мне жить осталось так мало, и неужели я не увижу своего единственного ребенка или даже не получу от него известия.

Мы жили в Ленинграде, ул<ица> Марата, <дом> 29, кв<артира> 11. Мой сын был отправлен как будто 29/1-1937 <года> из "Крестов" на Арсенальной, <дом> 5, а до этого ½ года сидел во 2-й Пересыльной тюрьме на Константиноградской, <дом> 6. Я отправлена из Д<дома> П<редварительного> З<аклучения> Ленинграда 28/1-37 <года> и сейчас мой адрес:

Новосибирск. Управление Сиблага.

Редакция: "Сибирская Перековка", Е. С. Веселовской.

Я буду жить мыслью, что Вы поможете и ждать Вашего ответа.

Я умоляю Вас помочь и скорей, пока я еще жива.

Е. Веселовская.

6/V -1937 г<ода>»<sup>3</sup>.

*В начале июня 1937 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью поэтесса Изабелла Аркадиевна Гринеvская, знакомая матери Екатерины Сергеевны Веселовской.*

<7 июня 1937>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Считаю своим долгом гражданки нашей страны, забывая о моих собственных немощах и заботах, пойти навстречу глубокому материнскому горю и сделать все возможное для его облегчения.

Пишет Вам поэтесса Изабелла Гринеvская, которую Вы без сомнения знаете, по крайней мере, прежде слышали обо мне. Надеюсь, что, несмотря на промелькнувшие годы и ряды чрезвычайных событий, происшедших за все долгое время, Вы не забыли моего имени, и мне не приходится напоминать о себе.

Обращаюсь к Вам, как к последнему прибежищу для облегчения горя женщины и уверена, что Вы, отдавшись вся делу по облегчению людских страданий, не будете пенять на меня за то, что причиняю Вам своей просьбой еще и еще заботу.

Я обращаюсь к Вам с ревностной просьбой прочесть прилагаемую корреспонденцию, из которой Вы яснее узнаете, в чем дело, чтобы решить его так, как Вам подскажет Ваше чуткое к человеческим бедствиям сердце.

Прилагаю письмо Екатерины Сергеевны Веселовской ко мне. Это дочь моей старинной приятельницы, бывшей в свое время до революции председателем приютов, в пользу которых я не раз устраивала концерты и читала лекции. Это была женщина, известная своей беззаветной общественной деятельностью, за которую ее оценило правительство и в послереволюционное время, назначив ей пенсию. Дед мужа Екатерины Сергеевны был академиком, непрременным секретарем Академии Наук в течение 30-ти лет — Константин Степанович Веселовский.

Екатерина Сергеевна, приславшая мне прилагаемое письмо, после Октябрьской революции отдалась вся деятельности на пользу нашей Советской страны, давала уроки на заводах, не щадя сил, и в результате — что часто бывает — не могла уследить как следует за нормальным развитием своего ребенка, которого пришлось в течении некоторого времени поместить в больницу для неврастеников. Он, очевидно, унаследовал психику своего отца, который сошел с ума и выбросился из окна 5-го этажа. Итак, сын этой несчастной женщины, 20-ти летний молодой человек, за проступок, как она говорит, бывший следствием

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1616. С.131-132. Автограф.

ненормального состояния его психики, был арестован, арестована была и мать молодого человека по 121-й статье.

Моя приятельница, узнав об аресте внука получила апоплексический удар, а узнав о аресте дочери — внезапно скончалась.

После долгих поисков местопребывания молодого человека, я получила сведения, что он находится в Северо-Восточном Лагере заключенных во Владивостоке. Тогда я обратилась к начальнику лагеря с прилагаемым письмом, но до сих пор нет никакого ответа.

Заклячая письмо к Вам, полагаюсь на руководящее Вами человеколюбие, думая, что Вы найдете справедливым помочь этой женщине в отыскании местонахождения ее сына и сообщения сведений о том, жив ли он, здоров ли, для спасения ее от отчаяния.

Остаюсь с истинным, глубоким почтением к Вам и Вашей деятельности.

И. Гриневская

Мой адрес:

Ленинград. Пр<осле>кт Нахимсона, <дом> 10, кв<артира> 32

Изабелле Аркадиевне Гриневской.

P. S. Так как на мое частное письмо я не получила ответа, может быть Вы найдете способ получить сведения о молодом человеке официальным путем»<sup>4</sup>.

*Ниже приводится копия письма Изабеллы Аркадиевны Гриневской к начальнику Севостоклага.*

«Письмо к начальнику Северо-Восточного лагеря заключенных во Владивостоке (копия).

Как писательница-поэт и персональный пенсионер за литературные заслуги республики, я решаюсь обратиться к Вам не с официальным заявлением, а с частным письмом в надежде на Ваше снисходительное и доброе отношение к работнику литературы, продолжающему теперь работать для Государственного Музея Литературы в Москве.

Дело вот в чем. Гражданка Веселовская, с родителями которой я дружила с юности, находящаяся теперь в Новосибирске и не имеющая ни одного близкого человека в Ленинграде, обратилась ко мне с просьбой узнать, где ее арестованный сын. Мне соответствующие власти, снизойдя к моему ходатайству, указали на место его заключения. Усердно прошу Вас прочесть прилагаемое ее письмо ко мне, из которого Вы узнаете осведомляющие факты.

В одной моей трагедии, вышедшей в 1912 году устами героя я говорю: «В тюрьму любви — не пыток — должно сажать преступных». Советские тюрьмы, — как я имею радость теперь знать, — именно стоят на началах любви, а не мести. Вот почему к Вам, к начальнику такой тюрьмы, которым в виду указанных начал назначается человек с участливым сердцем, — я обращаюсь с усерднейшей просьбой, сообщить мне жив ли, здоров ли указанный в письме молодой человек.

Можно бы, если бы Вы сообразовали сообщить сведения о нем матери, оказавшейся, как я думаю, невольно виноватой, и которая, я знаю, отдала все свои силы на служение Советскому государству почти с самого начала в самое тяжелое время его строительства.

Еще раз усердно Вас прошу, как человека, стоящего на высоте задач нынешней советской тюрьмы, снизойти к просьбе удрученной горем, больной матери.

<sup>4</sup> ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1616. С.136. Автограф.

С истинным почтением  
И. Гриневская»<sup>5</sup>.

*Ниже приводится и копия письма Екатерины Сергеевны Веселовской к Изабелле Аркадиевне Гриневской.*

«Дорогая, дорогая Изабелла Аркадиевна!

Вчера мне принесли в редакцию телеграмму и молча положили на стол: "Мама умерла шестого января. Писал подробно два письма. Целуем. Пиши. Юра".

Изабелла Аркадиевна — у меня просто потребность Вам сейчас же об этом написать. Мама 4 месяца ничего не могла обо мне знать. Она мучилась, Вы представляете себе, как! И, наконец, она получает от Тани Протопоповой, моей подруги, первую весть. И умирает.

Я не могу все еще поверить. Получив известие о Котике весной — с ней был удар. Получив известие обо мне — она умирает. И мамы нет. Все кончено. Для чего я выжила от своей болезни, когда я лежала в больнице Д<ома> П<редварительного> З<аключения> 2 месяца между жизнью и смертью! Для чего? Для еще больших мучений. Вы, подумаете — полное неведение о Котике, смерть мамы, а муж отказался и в ночь ареста моего, будучи тут же в квартире, даже не вышел проститься. Я — одна! И больна. Совершенно больна. Оправиться от такой болезни, конечно, при таких условиях нельзя. Я погибаю. Изабелла Аркадиевна — Вы друг. Я верю в это. Сегодняшнее письмо Ваше это доказало. Вот сведения о Котике. Осужден 11 июля 1936 г<ода> в Ленинграде. Прибыл в пересыльную тюрьму 15 июля 1936 г<ода>, срок 7 лет. Год рождения 1915. Осужден по статье 58-10 (к<онтр>р<еволюционная> агитация). Жил до ареста ул<ица> Марата 29, кв<ртира> 11. Но я боюсь, что Вы теперь надолго уехали в санаторию. Боже мой, я так боюсь за Котика, за моего бедного мальчика. Изабелла Аркадиевна, что делать!? Я не могу больше. Я все время слышу "мертвую тишину". Я не могу больше ни работать, ни воспринимать жизнь. Статья у меня бытовая, 121-я. Силы у меня с каждым днем падают. Я недолго протяну.

Целую Вас, мой дорогой, верный друг и мамин друг.  
Ваша Веселовская.

12/III -1937 г<ода>.

Котик прибыл в тюрьму 15 июля 1936 г<ода> из Дома Предв<арительного> заключения.

Его зовут: Дмитрий Николаевич Веселовский»<sup>6</sup>.

*В июне 1937 — заведующий юридическим отделом Помполита сообщил Изабелле Аркадиевне Гриневской.*

<23 июня 1937>

«И<забелле> ГРИНЕВСКОЙ.

В ответ на В<аше> обращение сообщаю, что с запросом о местонахождении Дм<итрия> Ник<олаевича> ВЕСЕЛОВСКОГО мы обратились. При получении ответа Вас известим»<sup>7</sup>.

*В июле 1937 — Изабелла Аркадиевна Гриневская вновь обратилась к Екатерине Павловне Пешковой.*

<sup>5</sup> ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1616. С. 138. Автограф

<sup>6</sup> ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1616. С. 137. Автограф.

<sup>7</sup> ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1616. С. 141. Машинопись.

<25 июля 1937>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Я давно хотела Вам написать, чтобы от всей души выразить Вам мою благодарность за ваше участие в судьбе несчастной женщины горюющей в безызначности о местонахождении ее сына, Дмитрия Николаевича Веселовского.

Так как в Вашем отношении от 23 июня сказано: "С вопросом о местонахождении Дм<итрия> Никол<аевича> Веселовского мы обратились. По получении ответа Вас известим", — я не хотела беспокоить Вас лишним обращением.

Теперь же после почти месяца, истекшего после Ваших строк, я подумала, что Вы, быть может, сомневаетесь, получила ли я их — и потому решаюсь вновь писать Вам, сообщая с горячей благодарностью, что я их получила и что я храню уверенность еще получить от Вас сведения, по поводу которых Вами был дан запрос, и питаю надежду обрадовать ими удрученную мать.

Прошу Вас принять уверение в моей сердечной преданности к Вам и глубочайшем к Вам уважении.

И. Гриневская.

Ленинград,  
пр<оспект> Нахимсона, <дом> 10, кв<артира> 32  
Изабелла Аркадиевна»<sup>8</sup>.

*В конце июля 1937 — заведующий юридическим отделом ответил Изабелле Аркадиевне Гриневской*

<31 июля 1937>

«И. А. ГРИНЕВСКОЙ.

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что с запросом о местонахождении Д. Н. ВЕСЕЛОВСКОГО мы обращались, но ответа до сих пор не имеем»<sup>9</sup>.

*В августе 1937 — Изабелла Аркадиевна Гриневская вновь обратилась к Екатерине Павловне Пешковой.*

«19 августа 1937 г<ода>.

Ленинград, пр<оспект> Нахимсона, д<ом> 10, кв<артира> 32,  
Изабелла Аркадиевна.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна,

Принося Вам горячую благодарность за Ваше за Ваше истинно человеческо-гражданское участие к моей просьбе отыскать местонахождение Дмитрия Веселовского, — мне радостно сообщить Вам, что он найден. Мать пишет мне, что использовала мой совет (не помню какой) и широко посылала телеграммы (?).

Она пишет: "Когда сын мой получил от меня телеграмму, ему стало дурно. Он сам меня искал и не имел от меня известий 10 месяцев".

Еще раз благодарю Вас от всей моей души.

Навсегда преданная Вам и почитающая Вас И. Гриневская»<sup>10</sup>.

<sup>8</sup> ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1616. С. 142. Автограф.

<sup>9</sup> ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1616. С. 144. Машинопись.

<sup>10</sup> ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1616. С. 145. Автограф.

*В середине 1940-х — Дмитрий Николаевич Веселовский после освобождения из лагеря находился в поселке Хвойная Хвойнинского района Новгородской области, работал шофером. 7 ноября 1949 — арестован, 1 апреля 1950 — приговорен «за террористические намерения» к высылке на поселение в Сухобузимский район Красноярского края<sup>11</sup>, в 1951 — переведен в Больше-Муртинский район. 22 сентября 1954 — освобожден.*

---

<sup>11</sup> «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.